

МАРЕК КОРНОВ

Лиговский пейзаж с пепелищем

ПАУЛИНА ДЕЛАЕТ ПЕРВЫЙ ШАГ

Марек Корнов

**Лиговский пейзаж с пепелищем.
Паулина делает первый шаг**

«Издательские решения»

Корнов М.

Лиговский пейзаж с пепелищем. Паулина делает первый шаг /
М. Корнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906874-3

1926 год, знаменитая бандитская Лиговка. Паулина с мужем приезжают в Ленинград на съезд милиции. Во время съезда муж Паулины бесследно исчезает. Пытаясь найти его следы, Паулина оказывается в Смольном, где получает назначение в 11-е отделение милиции. Здесь Паулина столкнется с коварством и предательством Лиговки. Ей придется встретиться со своим прошлым, которое наполнит ее ужасом и подарит надежду. Для справки: Паулина Онушонок — историческая личность, первая женщина-начальник милиции.

ISBN 978-5-44-906874-3

© Корнов М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лиговский пейзаж с пепелищем Паулина делает первый шаг

Марек Корнов

© Марек Корнов, 2018

ISBN 978-5-4490-6874-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Полумрак размеренно идущего поезда убаюкивал. Паулина пристроила голову на плечо мужа, делая вид, что спит. Глаза закрывались под неторопливый стук колес, но она все равно вполуха слушала разговоры, да вполглаза приглядывала за окружающими. Мозгу велено отдыхать, но быть начеку. Этому учил ее Дмитрий еще до их романа, лет эдак сто назад.

Разговоры вокруг обычные, про цены, дороговизну, да проклятых нэпменов, которые виноваты во всех бедах. Эти разговоры Паулина слышит ежедневно, и даже может предсказать, приведут ли они к драке или митингу. Сегодня, должно быть, обойдется, – слишком уж заспаны люди в этот ранний час.

– Яйца-то, яйца! С рынка принесла, дома гля – одна тухлятина! – вдруг заверещала тощая баба в мужской телогрейке из дальнего купе. – А назад принесла – не берёте!

Она обвиняющим жестом ткнула в группку людей в соседнем купе. Ближайший мужичок вздрогнул, но к бабе не повернулся, и всем телом выразил полную непричастность к тухлым бабьиным яйцам. Он, как и остальные, был в дешевеньком, драненьком пальтухе поверх добротного костюма, с портфелем, завязанным в застиранный платок. Этот маскарад ничего не дал, – народ опытным взглядом срисовал в них нэпманских приказчиков-счетоводов, и завистливо поглядывал еще с самого Кингисеппа.

– А сами-то говядину, небось, жрете! – все больше распалаясь баба.

Мужичок повернулся к друзьям и нарочито громко заговорил с ними о чем-то своем. Но лоснящиеся щеки предательски выдавали: жрет. Может быть, и не только по праздникам.

Паулина незаметно приглядывалась к пассажирам. В следующем от нэпменов купе ехал дородный милиционер в новенькой шинели. Шинель подогнана по фигуре, – значит, сам он не из Ленинграда. Там служивых много, подгонять шинели на всех некогда. С милиционером едет совсем молодой парень, возможно, ученик. Он то и дело поглядывает на соседнюю клетушку, где едет изможденная старуха с двумя дочками. Дочки, с комсомольскими значками и косами колоском вокруг голов, не могут усидеть на месте, – в Ленинград едут! Старшая то и дело любопытно глазами по сторонам стреляет, да шикает на мать, едва та креститься начинает. Старуха не слушает. Знай себе, крестит лоб, то и дело пугливо озираясь вокруг.

Паулина тоже не любит Ленинград. Вспоминаются ей мерзлые опорки, холод и отчаяние, тяжесть на руках и красивое здание на бывшем Невском проспекте, около которого она почти уже очурилась от голода.

«Бах!» – прогремело из открывшейся двери тамбура, резко вырвав Паулину из тьмы воспоминаний. Началось!

Дмитрий отреагировал мгновенно. Одной рукой он сжал ее запястье – просыпайся, а другой расстегивал кобуру. Инстинкт не подвел, и Паулина через секунду была с наганом в руках. Из открытой двери раздалась выстрелы. Краем глаза она отметила, что дородный милиционер тоже вскочил и, профессионально уйдя с линии огня, выстрелил в плечо ближайшему бандиту. Мужичонка охнул и осел. Дмитрий подстрелил двоих, Паулина сняла их «помогалу». Она приметил его еще час назад, когда он пересел в их вагон и профессиональным взглядом обшарил его, определяя бырыг и терпил, целей будущего грабежа.

Пока Дмитрий, дородный милиционер и его помощник вязали бандитов, Паулина прошла в головной вагон, к машинисту. Сообщив ему о происшествии, она потребовала вызвать на ближайшей остановке транспортную милицию.

– Совсем распоясались, нелюди, – проворчал машинист. – Налет чуть не каждый день, милиционерам хошь разорвись.

Когда Паулина вернулась в вагон, все семеро бандитов были повязаны и сидели на полу в проходе. Нэпмены поглядывали на них с испугом и неприязнью. Они не сомневались в том, кто стал бы жертвами этого нападения.

Дмитрий представил ей милиционером.

– Григорий Рябов, – протянул руку дородный милиционер. – А это, – кивнул он на младшего, Васька, стажер.

– Паулина Онуфриева, – представилась она, отвечая на рукопожатие.

Васька несмело протянул ей руку, открыв от восторга рот. Паулина привыкла к такой реакции. И к той, другой, тоже привыкла.

Спасенные из рук бандитов нэпманы пытались пихать спасителям деньги, а один достал шкалик и наборчик дорожных рюмочек. Паулина пить отказалась, но Дмитрий и их новые знакомцы радостно согласились на предложение.

– Люблю коньяк, – крикнул Рябов, выпив и разгладив усы. – Жаль, в нашем 26-м он уже редкостью становится.

Он с любопытством посмотрел на Дмитрия и оперевшуюся на его плечо Паулину.

– Какая вы пара подходящая. Жена красивая, муж... опытный.

– Старый, ты хочешь сказать? – засмеялся Дмитрий.

– Да почему ж старый, – зарокотал Рябов. – Ты вон еще какой. Хоть и седой да жилистый, как высохший дуб, а какой богатырь!

– Богатырь – из-за погон, – отозвался Дмитрий. – Наливай!

Рябов налил, они снова выпили. И снова. Когда кончился подаренный шкалик, Рябов вытащил из своего портфеля бутылку со звездочками и надписями на французском.

– Мне коньяк один нэпмен поставляет, – пояснил Рябов. – Мы его склад как-то от налета прикрыли, так он теперь постоянно... С благодарностью, так сказать.

– А у нас потерпевшие не платят за защиту своей собственности, – сказала Паулина.

– Так и у нас не платят, – подмигнул ей Рябов. – А благодарят!

Захмелев, Рябов принялся оглядываться, и скоро нашел, что искал.

– Эй, молодка, – окликнул он старшую из старухиных дочек. – Иди сюда. Поддержи общество.

Девушка поднялась, заглядевшись на лихие усы Рябова, но больше – на порезанную колбасу. Она присела на краешек скамьи рядом с Рябовым, который тут же налил ей рюмку нэпманского коньяка, всунул колбасу с хлебом в холодные пальцы. Девушка колбасу мгновенно съела сама и ловко передала куски матери с сестрой. По тому, с какой скоростью исчезли куски колбасы с хлебом, Паулина поняла, что там, откуда они едут, снабжение так и не наладили.

Раздался шум – в вагон вошли два милиционера из транспортной милиции. Одного из них, Михея, Паулина знала, – он когда-то служил у них в отделении в Кингисеппе. Михей обменялся с ними рукопожатиями, цыкнул на бандитов, да пошел по вагонам, проверяя паспорта.

Рябов, меж тем, уже вовсю обнимал и хватал за коленки свою девицу, бубня что-то о том, что комсомолка должна поддерживать его партийную борьбу во всех проявлениях. Девица руку не отпихивала, но Паулина перехватила ее беспомощный взгляд, брошенный на мать, а затем – на Дмитрия.

– Ты ж комсомолка? – спрашивал меж тем Рябов, не снимая руки с коленки девицы.

– Комсомолка, а как же! Меня первой в комсомол приняли! – наивно похвасталась она.

– А ты какая комсомолка – прогрессивная, или из отсталых, деревенских? – продолжал свое коварный Рябов.

– Прогрусивная, а как же!

– Сейчас проверим, – усмехнулся Рябов, вставая. – Пошли!

Девушка встала, с недоумением глядя на него. Рябов, покачиваясь, подтолкнул ее к тамбуру.

– Пошли вон, с Коминтерном поборемся.

Она поняла. Ей бы отказаться, кинуться к матери, но как это сделаешь после того, что сейчас наговорила? Она и пошла, вздернув нос и дрожа коленками. Шла не слишком резво, несколько раз останавливалась, цепляясь подолом за лавки. Рябову приходилось то и дело подталкивать ее за зад, что он и делал с нескрываемым удовольствием.

Старуха, не зная, что делать, вдруг начала мелко креститься. Младшая дочь шикнула на нее, и тогда старуха вдруг заплакала и стала неловко утирать морщинистое лицо уголком старенькой косынки.

Дмитрий с досадой вздохнул.

– Не плачь, старая, – посоветовал. – В Ленинграде на это дело совсем по-другому смотрят.

– Конечно, мама, – поддакнула младшая дочка, сама растерянная до невозможности. – Так теперь поступают все комсомольцы – всегда диспут надо поддержать за правое дело!

– Да кто ж ее потом замуж-то возьмет после того диспута! – запричитала мать, сминая ветхую косынку в бессилии и отчаянии. – Неж та твой Коминтерн?!

Младшая вдруг повернулась к Паулине:

– Ведь правда же, что теперь, когда социалистическая революция вот-вот победит во всем мире, – спросила громко, ломающимся голосом, – уклад жизни должен поменяться, и жить мы будем по-новому. Свободно! Долой домострой! Правда же?

Смелые комсомольские речи, а глаза круглые от ужаса, – усмехнулась про себя Паулина.

– Правда, – спокойно ответила она. – Жить будем свободно и весело. Революция дала нам всем путевку в жизнь, и долг каждого комсомольца – помочь советской власти, чем посильно.

Из глаз девушки ушла последняя надежда. Мать с тихим стоном уткнулась в ладони.

Паулина встала и, на ходу доставая папиросу, направилась к двери в соседний вагон. В другом конце вагона через неплотно закрытую дверь она увидела Рябова, который уже оголил свою девицу до пояса. Большая грудь лишила его последнего разума, и он елозил лицом от одного темного соска к другому, теребя одной рукой завязки своих кальсон, и не умея никак сладить с ними. Девица, с белым лицом и закушенной губой, вжалась в угол так плотно, что Паулине сделалось ясно: она отступала до последнего.

В соседнем вагоне Михей проверял документы. Паулина подошла к нему быстрым шагом,

– Слушай, Михей, – тихо сказала она, – проверь-ка документы у нашего соседа. Мы его документов не видели, а коньячок у него не из дешевых. Вдруг что...

– Есть, – вскинулся Михей.

– Он в соседнем тамбуре, – крикнула вслед Паулина.

Она с наслаждением покурила, вглядываясь сквозь грязное окно в утренние пейзажи. А когда вернулась в вагон, там уже разорвался оторванный от дела Рябов. С завязками он все-таки сдюжил, и сейчас из дыры в кальсонах густо торчал пук черных волос. Рябов не обращал внимания на свой расхристанный вид, роясь по карманам в поисках документов, да запальчиво переругиваясь с Михеем.

Паулина увидела, что старухи с девушками на ближайших скамейках уже не было. «Пересели, видать», – удовлетворенно подумала она, и снова прислонилась к твердой мужниной руке.

Через час приехали в Ленинград. Рябов к тому времени уже протрезвел и снова стал благодушен.

– Увидимся на съезде, – сказал он, пожимая руки Дмитрию и Паулине. – Вы ведь тоже на съезд милиции едете, я сразу понял.

– Точно, – улыбнулся в ответ Дмитрий. – Увидимся. И не переживай из-за этой бабенки.

– Да и хрен с ней! Замучился от триппера лечиться.

С этими словами Рябов взял под козырек, и они с Васькой пошли по булыжной мостовой, браво чеканя шаг.

Глава 2

Дом милиции, находящийся в старинном особняке, вряд ли когда-нибудь видел такое скопление людей. На съезд прибыли все милицейские чины, как из Ленинграда, так и из отдаленных областей, и теперь из-за обилия людей в погонах рябило в глазах.

Чета Онуфриевых разделась в гардеробе. Скинув милицейские шинели, остались: он – в форме, при всех орденах, полученных с 17-го года, и она – в своем единственном платье. Сегодня решила форму не надевать, и так из нее почти не вылезала. И не она сегодня была героем праздника, – муж.

Дмитрий с Паулиной отметились у чекиста на входе, который сообщил, что Дмитрия вызовут только в конце, после перерыва. Потом они нашли свободные места на скамье с краю, где можно было посидеть и поспать с открытыми глазами. Этому искусству Паулина выучилась в совершенстве, проводя много времени на разного рода партийных съездах.

Дмитрий тоже клевал носом.

– Тебе бы их поучить, как выступать надо, – толкнул он ее локтем, когда очередной выступающий отдолдонил длинную и зажигавшую только его речь.

Паулина улыбнулась, погладила мужа по руке. Вспомнила, что именно эта её способность когда-то свела их вместе.

Она работала тогда в типографии, и ей в этом несказанно повезло. Еще бы чуть-чуть – и помереть бы от голода ей, и не только ей. Каким героем он казался тогда 17-летней Паулине! Дмитрию сравнялось 35, и было совершенно непонятно, почему он, чекист со стажем, боевыми наградами и шрамом на запястье, вдруг обратил внимание на чернявую девчонку. У нее тогда вечно все плыло перед глазами от голода, – она часто недоедала. И платья не было справного, бабкино только, у которого весь подол истрепался. Прическу она сама себе портновскими ножницами отчкрыжила, когда после болезни косы в ниточку истончились. А на тебе – вдруг легли волосы пушистой шапкой над похудевшим лицом, – любо-дорого смотреть.

Тогда Дмитрий, мастер цеха и глава местной ячейки, вдруг схватился повышать ее боевую грамотность и как-то взял ее с собою на митинг. У него что-то с горлом было, и Паулина сказала речь перед заводскими вместо него. Со страху все перепутала, чему он учил – последовательно, только по одному тезису на одну тему. Расстроилась жутко, но неожиданно заводские приняли ее на «ура» и долго не отпускали. Всё вопросы выкрикивали, да пели слитно «Марсельезу». Потом руки жали, а Дмитрий её все к себе прижимал, притягивал – чтоб в толпу не утянули. Сказал, что у нее недюжинный талант к ораторству. Знал бы он, чему она обязана этому таланту... Хоть и одиннадцать лет вместе, но Паулина никогда ему об этом не рассказывала.

Да... С того митинга они возвращались, взявшись за руки. Паулина даже улыбнулась нехстати: на сцене оратор в это время громил кровопийц-капиталистов. Дмитрий и сейчас держал её руку. Держал и на плечо навалился, сам впадая в полудрему.

Пережили длинную часть, наступил перерыв. В холле Дмитрий встретил множество знакомых. Встретили и Рябова с Васькой, которые где-то успели отутюжиться, и выглядели блестяще, по сравнению с помятой четой Онуфриевых.

Паулина отлучилась в дамскую комнату. Перед самым окончанием перерыва Дмитрий вдруг тоже собрался в туалет.

– Иди в зал, – сказал он ей. – Я сейчас.

Паулина вернулась на место. Началась наградная часть. По длинному списку вызывали отличившихся и вручали грамоту, а иногда и орден, – кто что заслужил. Паулина ерзала на месте, постоянно оглядываясь. Дмитрия все не было.

– Дмитрий Онуфриев! – прозвучало со сцены.

Черт! Паулина вскочила, не зная, что ей делать. Где Дмитрий?!

Имя Дмитрия, меж тем, прозвучало со сцены во второй раз.

Растерянная Паулина решила и поднялась на сцену.

– Я его жена, – объявила она, предвосхищая вопросы. – Он... его нет.

Она достала документы, оглядываясь постоянно в поисках Дмитрия, но так его и не нашла. Документы тщательно проверили, но медаль Дмитрия ей не отдали.

– Только лично, – сурово сказали ей, выпроваживая со сцены.

*

Два часа спустя Паулина почувствовала, как на грудь окончательно навалилась паника. Она сидела в кабинете администратора, отчаянно накручивая телефон. Пока гардероб не опустел совсем, у неё ещё оставалась надежда, что это случайность, и Дмитрий сейчас вернется. Паулина уже позвонила в Главк, – затем только, чтобы узнать, что Дмитрия никто никуда не посылал. Набрав ещё несколько номеров, Паулина поняла, что все напрасно.

Она одернула форменку и вышла из кабинета. В фойе уже махала шваброй уборщица. Надо было куда-то идти, но идти было некуда.

Паулина в который раз подошла к стойке гардероба.

– Вспомнил, кто получал вторую шинель по этому номеру? – показала она гардеробщику номерок, который он уже видел не один раз.

– В десятый раз говорю, – никто! – раздраженно сказал пожилой, согбенный гардеробщик.

– Точно? Товарищ, посмотри остальные. Может, есть какая, где третья снизу пуговица красными нитками пришита? Это я с утра правила.

– Остальные-то чего смотреть? – угрюмо спросил гардеробщик.

– Вдруг упала, да на другой номер повесили.

Гардеробщик нехотя подчинился. Пересмотрев все шинели, развел руками.

– Нет такой. Везде нитка черная.

Он ушел выдавать оставшиеся шинели, а Паулина осталась стоять, не зная, что ей и делать. По стенам гардероба висели плакаты, которые предупреждали о том, что ценные вещи оставлять нельзя, что враг не дремлет, и о том, что планерки – только по понедельникам, а в остальные дни слоняться по фойе нельзя, и семки лузгать – тоже. Вот только, что делать, когда у тебя пропал муж, плакаты не говорили.

Подошедшие милиционеры из новгородских забрали сразу десятка полтора шинелей. Они громко обсуждали, где будут ночевать, потому что дома рабочих и колхозников переполнены. Судя по радостным голосам, перспектива ночевки на вокзале их не пугала.

– Закрываемся, – сказала Паулине подошедшая поломойка, молодая еще баба с маленькими нахальными глазками.

Паулина в отчаянии снова посмотрела на вешалки, словно они могли подсказать ей тайну исчезновения мужа.

– Что же с ним случилось?! – невольно вырвалось у нее.

Краем глаза Паулина заметила, как насмешливо скривились губы у бабы.

– Убег от тебя муженек-то твой, – высказалась та, сдирая с швабры мокрую тряпку и погружая ее в ведро.

От нелепости этого предположения Паулина даже фыркнула, хоть и не до смеха ей было сейчас.

– Он меня на двадцать лет старше!

Поломойка разогнулась, убирая локтем прядь, выбившуюся из-под косынки.

– И чо? Ты на себя давно в зеркало смотрелась? Тошная, черная, смолишь, вон, не переставая.

– Что ты городишь? – возмутилась Паулина. – Мой свои полы!

– Да я-то мою, – пожала плечами баба, снова принимаясь за дело. – Только тебе тоже хватит тут топтаться. Если убер, не вернется.

Паулина почувствовала гнев. Ей захотелось достать наган и как следует вмазать поломолке рукояткой между глаз. «Какие они тут смелые!», – громко возмущалась часть ее. Громко – чтобы заглушить второй голосок, тоненько повторяющий в голове: «А вдруг... правда?».

Паулина стиснула зубы и, не глядя больше на настырную бабу, натянула шинель. Не зная, что ей делать дальше, вышла на улицу. Согбенный гардеробщик проводил Паулину взглядом. Ушла, слава те, Господи. Три часа над душой стояла, курва милицейская.

Осмотревшись напоследок вокруг, все ли в порядке, гардеробщик подбрел в каптерку к своей мамаше, приехавшей недавно из деревни. Мамаша жила тут на птичьих правах, поэтому, когда была не нужна, отсиживалась в каптерке, подальше от глаз начальства.

Она уже ждала его, накрыв худо-бедно стол. Гардеробщик схватил бутерброд с вкусной заграничной колбасой из буфета, хлебнул чая из жестяной кружки и почувствовал, как по каждой жилке побежала нега. Наконец-то можно расслабиться. Он устало закрыл глаза, и тут же распахнул во всю ширь, зацепив взглядом неладное.

– Откуда это?! – рявкнул он, ткнув пальцем в шинель с третьей пуговицей, пришитой красными нитками, которая скромно лежала в углу.

Мамаша вздрогнула, испугавшись.

– Так... петелька на ней оторвалась. Я как раз пришивала, когда эта чернявая стала про нее спрашивать. Ну, я и смекнула, что не просто так мужик-то ее пропал. Не вернется, поди, уже.

Она погладила шинель рукой.

– Дорогого сукна вещь. На целую свинью сменять можно!

Гардеробщик испугался.

– Да ты что, мать, умом совсем повредила? Как бы на хороший срок её сменять не пришлось. Мужик тот – чин милицейский из Кингисеппа.

– Так забрали чина-то твоего. На кой ляд ему теперь шинель?

– Забрали? Ты сама его видела?

Старуха пожала плечами.

– Его, не его. А видела из-за угла – ведут кого-то.

Гардеробщик нахмурился.

– А что не сказала-то сразу? Ладно... Знаешь, что. Спрячь-ка её получше и забудь. Они теперь тут рыть будут месяц, а может и больше. Неизвестно, кого уводили, – может, и не того, чья шинель. Мы люди маленькие, нам главное подальше держаться.

Мамаша, вытаращив глаза, закивала и мелко закрестилась. Немного погодя, она замотала шинель в тряпки, чтобы завтра с утра ее вынести и продать по-тихому на рынке.

Глава 3

Паулина брела по проспекту 25 октября и не знала, куда идти и что делать в этом гигантском и враждебном городе. Она прошла уже Октябрьский вокзал и брела туда, где маяком непонятно какой надежды торчал шпиль Адмиралтейства.

Рассудок, несмотря на черную опустошенность внутри, потихоньку возвращался к привычному ритму. Он язвительно напомнил, что переночевать можно было бы на вокзале в зале ожидания, но тут же одернул сам себя. Скамьи там, скорее всего, уже заполнены, а дожидаться свободного места можно и всю ночь. Да и потом, уснув на вокзале, с успехом можно было и не проснуться: слухи о зверствах лиговской шпаны дошли и до Кингисеппа.

Паулина лишний раз порадовалась, что когда-то жила в Петрограде и хорошо знала географию и нравы города. Не так-то он сильно и изменился с тех пор. Хотя, конечно, перемены были, и много. Электрический транспорт, троллейбусы и трамваи, поражали воображение. Паулина еще помнила старый трамвай-конку: маленький, аккуратенький, звонкий.

Отзываясь на ее мысли, по трамвайным рельсам что-то загрохотало. Паулина обернулась и чуть не вздрогнула, увидев перед собой гигантский гроб. Он был огромный, черный, с черепом впереди и знаком солнцеворота сзади. Гроб был так созвучен ее мыслям, что на секунду Паулину обуял мистический ужас: а не за ней ли он приехал? Только потом она разглядела, что все это мрачное оформление за какой-то надобностью было натянуто на обыкновенный трамвай.

Гроб, мрачно грохоча, проехал мимо, а Паулина все провожала его взглядом. Рядом появились студенты. Провожая восхищенными взглядами удаляющееся черное чудовище, они приняли её ступор за восторг.

– Хорошо наши ребята трамвай разукрасили! – хвастаясь, то ли спросила, то ли утвердила девчушка в платье из грубого холщевого мешка.

– Заметно, – отозвалась Паулина, провожая глазами адское сооружение. – Для чего так?

– Это гроб мирового капитализма. Поэтому и зашит черной фанерой, – авторитетно пояснила девчушка.

А ее приятель добавил:

– Завтра репетиция агит-парада коминтерновцев на площади Урицкого будет. Туда и поехал.

Они пошли дальше, а Паулина осталась на опустевшей Садовой, все еще слыша грохот гроба мирового капитализма. И вдруг, неожиданно для себя, она узнала такой знакомый театр Сабирова. А узнав, не могла понять, почему она сразу о нем не подумала.

Афиши перед входом возвещали о громкой постановке «На Дне», но названия театра она не нашла. Помня, где дверь служебного хода, Поля направилась туда. Обойдя театр с торца, она долго стояла, облокотившись о ставни низкого окна на первом этаже. С чего она взяла, что старик Аристарх все еще здесь служит?

Наконец Паулина постучала костяшками по стеклу. Долгое время ничего не было слышно. Наконец где-то внутри театра раздались шаркающие шаги. Дверь служебки слегка приоткрылась, и лысая голова в турецкой феске высунулась в приоткрытую щель. Аристарх, – отлегло у Паулины от сердца.

Увидев ее, старик издал невнятный радостный возглас и распахнул дверь во всю ширь.

– Здравствуй, дядя Аристарх, – выдохнула Паулина.

– Полиша, – улыбнулся он, пропуская ее. Маленький, скрюченный ревматизмом, дедуля в ватном восточный жилете был похож сразу на всех несчастных Шекспировских царей, у которых всего и осталось из богатств, что гордость и упрямство.

Аристарх, словно подслушав крамольное, вдруг захихикал и, закашлявшись, обнял Паулину:

– Иди уже! Птица моя перелетная.

Он подтолкнул её вперед по длинному коридору, к своему царству тряпья. По полу из глубин коридора тянулся мокрый след: старик мыл пол. Вот и сейчас он макал швабру с грязной тряпкой в ведро у входной двери, чтобы замывать ее следы.

Паулина усмехнулась, увидев луженую цепь, идущую от ручки ведра к трубе в стене. А на самом ведре красовалась надпись: «В ведро не плевать и хабцы не кидать! Комендант».

– Передовая у тебя тут агитация. Только «три-ноль» против коменданта, – сказала она, указывая на окурки, плавающие в ведре.

– Еще сведем счеты, – зловеще пообещал старик. – Лети давай, птичка-синичка. А то чай совсем остынет.

Паулина повернулась и пошла к знакомой двери. Аристарх хромал за ней, волоча за собой швабру. Сердце ее дрогнуло, узнавая. Ведь он всегда мыл полы именно так. Выходил по какой-нибудь надобности из своей каптерки, макал швабру в ведро с водой рядом с дверью, и, не отжимая, тащил за собой. Мокроты как раз хватало до конца длиннющего коридора. У входной двери стояло второе ведро. Процедура макания повторялась снова, и Аристарх отправлялся в обратный путь. Этот ритуал плотно вошел в жизнь театра, и только залетные удивлялись ведром с водой, стоящим у каждой двери.

Комната Аристарха была все та же, с выцветшими бордовыми шторами цвета молодого вина, массивными креслами с красной плюшевой обивкой. По причине нехватки мест для хранения реквизита, старик вел поистине царскую жизнь: спал он на кровати под золотым балдахином времен Людовика XIV, ел на резном наборном столе.

Паулина заглянула в тесную комнатку, набитую костюмами, присела на софу у буржуйки, протянула озябшие руки к огню.

– К тебе ещё экскурсии не водят? – спросила она, глядя ладонью толстый бархат софы. – Такой роскоши даже в музеях не осталось.

Увидев ее у огня, Аристарх заторопился. Снял чайник с печки, разлил чаю в щербатые кружки, подвинул ей щедрый кус хлеба.

– Вот и «чайковский». Налегай, девочка.

Только втянув ноздрями запах хлеба, Паулина поняла, что умирает с голоду. Она жадно набросилась на краюху, запивая еду глотками обжигающего чая.

Аристарх смотрел на нее, не скрывая радости.

– Не думал еще когда-нибудь встретить тебя, Полиша, – сказал он. – Как ты живешь? Я ведь только потом узнал про несчастье с...

Его голос дрогнул. Паулина резко вздернула голову.

– Не надо! Об этом даже не заговаривай, дядя Аристарх. Я все забыла, и не желаю вспоминать.

Аристарх посмотрел на нее пытливым, как умел смотреть лишь он один, и Паулина поняла – не поверил. Но она и сама больше всех удивилась, если бы было иначе. Умен он был, ее дядька Аристарх.

– Как хочешь. Тогда о муже расскажи.

Паулина, сглотнув, отодвинула чашку.

– Прости меня, дядька Аристарх.

– За что это?

– Получается, о чем со мной не заговори, сплошной мрак. – Паулина вздохнула и, наконец, выжала из себя то, что сказать было так тяжело. – Пропал у меня муж.

Сосредоточенно глядя на щербинку на кружке, она монотонно рассказала старику о своих злоключениях. О том, как еще вчера они с Дмитрием радовались награде. Про налет в поезде рассказала, про знакомство с Рябовым.

Паулина говорила и заново взвешивала версии. Может, на Дмитрия напали подручные Кингисеппских бандитов? Нет, это бред – среди массы милиционеров никто бы не решился. Значит, ушел, потому и шинели нет. Но уйти вот так, перед самым награждением, даже не получив медаль, которые он так ценил... Нет, Дмитрий бы так не поступил. Точно, что-то случилось. Но что?

– Может, в Кингисепп вызвали срочно? – спросил старик. Слушал он ее теперь очень сосредоточенно, сложив домиком пальцы.

– Нет, – устало обронила Паулина, – Я звонила, проверяла.

Аристарх снова помолчал, о чем-то раздумывая.

– Любишь его, значит, сильно? – спросил, наконец.

Паулина едва не улыbnулась, услышав вопрос. Любовь... Театральное такое слово. Как будто ненастоящее. Но отмахиваться от вопросов старика было нельзя.

– Родной он мне, – наконец сказала она. – Спаситель, учитель, вождь.

Аристарх усмехнулся снисходительно и посмотрел на Паулину, как на малое дитя.

– А что так страсти-то мало? Как будто о товарище Ленине говоришь, земля ему пухом.

Паулина вдруг обозлилась.

– Мы с ним не первый год вместе, чтобы про страсть думать. А если б не он, и я бы сейчас неизвестно, где была. Чин милицейский, партийный билет, почет и уважение, – все это, потому что он был рядом. Помогал. Наставлял. Поддерживал.

Аристарх вздохнул.

– А ведь видел я Дмитрия твоего. Неоднократно видел. Неплохой он мужик, вроде. Только старый для тебя слишком.

Паулина устало откинулась на спинку софы.

– Да что вы все, – старый, старый! Как будто в суп его класть собираетесь.

– В супе он, может, и не нужен, – усмехнулся старик. – А вот в постели у тебя – очень даже. Ты ж молодая женщина. Тебе любовь нужна.

Паулина не знала, плакать ей или смеяться.

– Знаешь, дядька Аристарх... Когда ты в день по три изнасилования разбираешь, то вот этого... что ты называешь любовью... ну вот совсем не нужно!

Аристарх посмотрел на Паулину внимательным взглядом, смутив ее еще больше.

– Не любишь ты его, – сказал он окончательно, будто постановил. – Это хорошо.

– Почему? – спросила Паулина.

Аристарх неопределенно пожал плечами, встал и поплелся к кровати.

– Ложись сюда, – сказал он, сдернув роскошное бархатное покрывало. – Мне еще полы домыть надо.

Паулина порывалась спорить и улечься на софе, но, в конце концов, подчинилась и растянулась под рваненьким одеялом, которое пряталось под покрывалом. Она пыталась подумать, что ей делать завтра, но провалилась в сон, так и не придумав ничего толкового.

*

Паулина спала без снов и проснулась очень рано, когда захлопали по всему театру двери, зазвучали голоса, да кто-то начальственно стукнул в дверь старика.

– Не уходи без меня, – велел он Паулине, выскальзывая за дверь.

Когда старик вернулся, она уже оделась, умылась из покосившегося умывальника в углу и пригладила волосы.

– Значит так, Полиша, – сказал Аристарх. – Может быть, то, что я сейчас скажу, тебе поможет. Видел я твоего Дмитрия в последний год, раза два или три. Вместе с Лёлей Лиговской.

Паулина отступила, побледнев.

– Где видел? Здесь? В Ленинграде?

– Да, – сказал Аристарх, оправдываясь, – Не хотел тебе вчера говорить, чтобы ты ночь спокойно поспала.

– Да как ты мог его видеть? Ты ж его не знаешь!

– Я ж его видел еще когда вы с ним женихались. Ты приходила с ним в театр, помнишь? У меня хорошая память на лица. А он у тебя такой, заметный.

– Припоминаю, – выдавила из себя Паулина. – А кто такая Лёля Лиговская?!

– Проститутка, – жестко сказал Аристарх. – Только не из этих, желтобилетниц. В любовниках у ней сплошь нэпманы да бандитские главари ходят. Красивая, стерва, – старик аж зажмурился, будто лимона попробовал.

Паулина сжала зубы.

– Мой муж не шляется по проституткам!.

– Откуда ты знаешь? – резонно возразил старик. – И потом, Лёля – проститутка особая. Говорят, фабрикант Якупов отдал ей месячный навар с фабрики, – куча деньжищ! А Мишка Плюгавый подстерег Пахома Ведёрного в кабаке, да головой в яму с дерьмом сунул, потому что она ему сказала. Пахом Ведерный – авторитет на Лиговке, и кто угодно бы побоялся сделать такое. И Мишка бы побоялся, если б она ему себя не пообещала.

Паулина примолкла. Как раз в последние месяцы мужа стали все чаще вызывать в командировки в Ленинград. И похудел он в последнее время заметно, и замкнут стал еще сильнее, чем обычно.

Она вздохнула. Хоть и противно, но Аристарх вполне мог оказаться прав. В своей постели Паулина мужа давным-давно не видела. Странно было только то, что он полез к проститутке в Ленинграде, как будто в Кингисеппе их было мало. Да и потом, он скорей бы подмял под себя какую-нибудь комсомолку, которая всем местам, где можно бороться за правое дело, предпочитала койку.

Что-то тут явно было не то, а именно – исчезновение мужа аккурат перед вручением награды. Но проститутку, с которой видели Дмитрия, в любом случае стоило найти.

– Где она бывает? – угрюмо спросила Паулина.

Старик развел руками.

– Никто не знает. Где-то на Лиговке.

Паулина протяжно вздохнула, в который раз прокляв вчерашний день.

Через десять минут они уже прощались на пороге театра. Старик бодрился и держался независимо, но трепет его руки выдавал, насколько Аристарх не хочет ее отпускать.

– Оставайся, Полюшка, – сказал он, будто бы в шутку. – Для тебя у меня всегда угол найдется.

Паулина с тоской усмехнулась.

– Я, может, вернусь, дядя Аристарх. Не оставлю я этого, буду Дмитрия искать. Но сейчас надо обратно в Кингисепп. В отделении ни одного руководителя, и пять дел в работе.

Старик покорно покивал, не надеясь, в общем, на другой ответ.

– Ладно, дело твое. Ты уж, Поленька, старика не забывай. Приезжай, как сможешь. И насчет Дмитрия, погоди плакать. Может, вызвали куда срочно, а оттуда и не позвонить.

Аристарх помолчал, пожевал губами.

– Полиша, а может, он у тебя по службе где накуролесил?

Глава 4

Паулина медленно подходила к камере хранения, где вчера они с Дмитрием оставили вещи. Она, которая всегда ходила стремительно, быстрым решительным шагом, сейчас сама себя не узнавала. При мысли о том, что через несколько часов нужно садиться на поезд до Кингисеппа, ноги откровенно не шли. Вся ее натура сопротивлялась против того, чтобы уехать сейчас из Ленинграда.

Чем больше Паулина думала над пропажей мужа, тем больше боялась, что последняя мысль старика Аристарха была верной. Вдруг заподозрили Дмитрия в какой-нибудь связи с белогвардейцами или Антантой? При их недавней чекистской жизни это не трудно. Столько раз хождено за линию фронта, что и со счета давно сбилась.

Там, на стороне белой армии, у половины страны оставались родственники, друзья, близкие. Многие из них теперь в эмиграции, но ведут переписку с советскими людьми. Что, если какому-нибудь бывшему барону вдруг припомнилось, как он встречал Дмитрия на вечере в ставке главнокомандующего? Как докажешь, что он был на задании, если его тогдашние руководители мертвы, а архив сгорел при транспортировке? Вопросы нарастали черной горой, подкатывала паника, и Паулина вдруг страстно пожелала, чтобы Дмитрий всего-навсего ушел к давешней проститутке.

Она позвонила с вокзала в Кингисепп, но в отделении Дмитрий не появлялся. Сжав холодные пальцы, Паулина почувствовала дурноту и поняла, что очень голодна. Запасы старика они вчера подчистили напрочь, и на завтрак смогли угоститься только кружкой горячего чая.

Около вокзала нашелся мороженщик со своей тележкой. Купив мороженое, – вкусное, в Кингисеппе такого не было, – Паулина отошла, чтобы съесть его вдали от людского потока. Но попала, наоборот, в толкучку еще большую, и оказалась на барахолке, где продавалась женская одежда.

– Эй, молодка, – окликнула ее усатая торговка, трясущая бесформенной выцветшей тряпкой. – Глянь, пальтецо аккурат на тебя! А то что ж ты в мужнину шинель-то вырядилась?

Паулина хотела уже сдвинуть брови и сунуть тетке под нос удостоверение, однако тут ей в голову пришла неожиданная мысль. Что, если эти несколько часов до поезда провести не на вокзале, бездумно теряя минуты, а прогуляться по Лиговке и расспросить про Лёлю? А в шинели этого делать никак нельзя, каждому понятно.

Издалека донесся рев пожарной сирены.

– И что разъездились? – истолковав ее взгляд по-своему, всколыхнулась торговка. – Ездят и ездят. Почти каждый день мы теперь горим, чо ли.

Десять минут спустя из помещений камер хранения вышла женщина в потасканном пальтеце, в туфлях, с сумочкой и в шляпке-наколке, сделанной из шерстяных цветов, которые совсем недавно украшали эту самую сумочку. Шинель и кобура осталась лежать в камере хранения, а сам наган надежно укрылся в маленькой на вид сумочке.

Вид обдрипаный, да и ладно.

Паулина углубилась в лабиринт улочек Лиговки, и скоро увидела перед собой нарядное кабаре с новенькой, недавно покрашенной вывеской. Вспоминая, что рассказывал Аристарх про Лёлю, Паулина подумала, что эта особа вполне могла появляться в таком заведении.

У двери стоял пузатый швейцар в лакейском облачении, сшитом явно до революции. Мундир был швейцару мал, и расходился на пузе, являя миру волосатый немывтый пупок.

Однако вид у швейцара был внушительный, и шушеру типа Паулины он настроен был не впускать.

– Куда прешь? Не видишь, заведение приличное! – схватил он ее за локоть, когда Паулина поднималась по ступеням.

Паулина уже хотела ответить ему своим коронным ударом, но решила не привлекать внимание.

– Захлопни рот и отпусти мою руку, если не хочешь потерять свою, – процедила она, окатив швейцара холодным взглядом.

Этому умению – смотреть на людей так, что у них за шиворот словно лед сыпался, Паулина научилась давно. Ей тогда было 16 лет, в кулаке ее всегда был нож, а в душе – отчаяние. С тех пор это не раз ее выручало. Вот и сейчас швейцар смутился, опустил руку и пробормотал что-то невнятное и как будто даже извинительное. Не слушая его, Паулина вошла в заведение.

Было еще слишком рано, и внутри отыскался только сонный скучающий халдей за барной стойкой, с мутным стаканом и полотенцем. Паулина принялась расспрашивать про Лёлю, назвавшись швеей – непревзойденно, мол, наряды перешиваю. Но то ли ее легенда показалась ему подозрительной, то ли парень действительно слыхом не слыхивал ни про какую Лёлю, но добиться от него ничего не удалось.

Несолоно хлебавши, Паулина вышла из кабаре и углубилась в лабиринт улочек Лиговки. Ей хотелось присмотреться к жизни в этом районе. Обойдя несколько переулков, она поняла, что пройти незамеченным на Лиговке можно, только хорошо зная систему потайных ходов и неприметных калиток. В противном случае, по переулкам вокруг Лиговской улицы далеко не уйдешь. Все они, за исключением нескольких улочек, были перпендикулярны проспекту и быстро заканчивались тупиками.

Обходя одну такую улочку, изобилующую солидными домами с лепниной и эркерами, Паулина вдруг услышала выстрелы.

Поколебавшись пару секунд, она все же открыла сумочку, нащупала наган и ускорила шаг. В тесноте домов звуки выстрелов отражались от стен, и Паулина не сразу сообразила, в какой стороне стреляли. Когда она выбежала из сети проходных дворов на улицу, то метрах в пятидесяти от себя увидела человека в окровавленной рубахе, с большим холщовым мешком и пистолетом, который бежал от дверей ломбарда. Человек по-волчьи оглянулся по сторонам, и с пистолетом наготове захромал через улицу.

С такого расстояния стрелять было бесполезно, и Паулина двинулась за ним. Из ломбарда выскочил раненный в плечо охранник и начал палить в сторону убегающего. Беглец понесся зигзагом, не давая ему прицелиться, а с другой стороны улицы по охраннику кто-то открыл огонь. Охранник завыл и упал, обливаясь кровью.

Вдали уже была слышна милицейская сирена. Паулина перешла на бег, и чуть не столкнулась с сообщником раненного бандита, который прятался в дверях парадной. Он выскочил с револьвером наперевес. Паулина, не раздумывая, нажала курок, а затем резко развернулась на каблуках и выстрелила в приближающегося бандита с мешком. Из парадной выскочил ещё один бугай с пистолетом и саквояжем. Паулина снова выстрелила, но наган дал осечку. Она вжалась в стену, но последний бандит оказался жадным и первым делом бросился к брошенному мешку. Это было его ошибкой. Паулина метнулась к лежащему бандиту,хватила его пистолет и прострелила правую руку бугая. Тот заревел, роняя пистолет на мостовую. Саквояж упал рядом, и из него посыпались золотые побрякушки.

Охранники ломбарда появились на поле боя одновременно с милицейским нарядом. Один из них тут же наставил пистолет на Паулину.

– Сообщница ихняя? – спросил он, указывая револьвером, чтобы Паулина подняла руки.

– А как же. Без меня они б дырок друг в друге не наделали, – ответила Паулина. Она открыла сумочку, чтобы достать свое удостоверение.

– Руки, шалава! – рявкнул тот.

– Я – капитан милиции! – воскликнула Паулина, но охранник ее не слышал. Зрачки его глаз сузились, и Паулина поняла – сейчас выстрелит. Теперь, после боя, он герой.

Паулина подняла руки. Пистолет у нее тут же перехватил подоспевший милиционер.

Четверо других бросились внутрь помещения. Один побежал обыскивать парадное.

Пока молодой милиционер в ярко-синей, с фабричными заломами форменке, изучал ее удостоверение, подоспело подкрепление и карета скорой помощи. Врачи вывели на улицу раненного охранника, накрыли трупы бандитов простынями, а юный милиционер всё изучал удостоверение Паулины. Наконец, его старший товарищ с пышными кавалерийскими усами, который обыскивал и заковывал в наручники окровавленного бандита, поднялся с колен, отряхнул старенький пиджак и брюки и подошел к стажеру.

Заглянув в удостоверение, он присвистнул:

– Ну вы совсем, уголовнички, обнаглели! Капитан милиции Паулина Онуфриева. Фантазерка вы, барышня.

Поля спокойно встретила его насмешливый взгляд:

– Мандат разверните.

Усатый, посмеиваясь, развернул бумажку. К ним подошел ещё один милиционер, одетый в галифе с армейскими сапогами, потертую кожанку поверх армейской форменки. Он заgrabастал огромной ладонью удостоверение и мандат, долго изучал и, наконец, усмехнулся:

– Где ж таких капитанов делают, гражданка Онуфриева?

– Удостоверение выдано Кингисеппским отделом милиции.

– Да это-то понятно. Непонятно другое. Вот вы, вроде, на съезд вчерашний ехали, так?

Паулина кивнула.

– Не видел я вас там, но это опустим. Но почему вы оказались здесь, аккурат в налет, когда давно должны были уехать?

Паулина сжала зубы от его покровительственного тона.

– На съезде я не выступала, вот вы меня и не видели. Сегодня я навещала родственника. Решила прогуляться перед отъездом и вот, попала сюда. Я тороплюсь. Скоро мой поезд.

Милиционер пропустил последние ее слова мимо ушей.

– Скажите, Паулина... Эээ... Ивановна, а вы всегда разгуливаете перед отправкой в таком наряде и с оружием в сумочке?

Паулина, злясь на себя за то, что не удержалась и ввязалась в эту историю, сказала:

– Оружие я ношу всегда. Кстати, товарищ. Прежде, чем дискутировать, предъявите своё удостоверение, как это положено по инструкции.

Милиционер побурел лицом и нахмурился. Он даже сказал что-то выразительное, но в этот момент мимо на всех порах прогромыхала пожарная машина, трезвоня в колокол и завывая сиреной, так что его слов Паулина не услышала.

Милиционер меж тем взял себя в руки и вытащил удостоверение.

– Пожалуйста, Паулина Ивановна. Я – Захар Степанович Бойков. Служу Родине в 11-м отделении милиции, в звании капитана.

Паулина протянула руку к удостоверению, и в тот же миг на запястье защелкнулись наручники.

– Всё понятно. Да? Мы сейчас все вместе прогуляемся до отделения и во всем разберемся.

Паулина мысленно выругалась, а Захар иронично заулыбался и почти вежливо повел ее за собой. Но в это время на улочку вылетели два черных лаковых кабриолета.

– В чем дело, товарищи? – выскочил чуть ли не на ходу русоволосый офицер.

Милицейский молодняк вытянулся во фронт.

– Это же Кирова помощник, – пробежал шепоток рядом с Паулиной.

– Мы тут задержали грабителей, – начал рапортовать молоденький милиционер и осекся.

Из машины вышел сам правитель Ленинграда Сергей Миронович Киров, улыбаясь и щурясь, как с плаката с пятого съезда КПРФ.

– Продолжайте, продолжайте, товарищи. На Обводном пожары сразу в двух домах, ни по Лиговской, ни по набережной не проехать. Так что про поджог мы знаем, а у вас что?

– Разрешите доложить? – кашлянул Захар, оттерев юного милиционера плечом. – Здесь в результате перестрелки убиты два охранника и кассир. По показаниям охранников, налетчики сначала совершили поджог в глубине здания, а когда началась суета, набили мешки ценностями, застрелили двоих охранников, которые пытались им помешать, и выскочили через парадный вход.

Бойков слегка запнулся.

– Мы-то к черному ходу приехали, а дверь выходит на другую улицу. Пока сообразили, куда бежать... Завязалась перестрелка, бандиты попытались уйти с награбленным.

– Понятно, – покивал Киров и с любопытством посмотрел на Паулину. – А это что за дамочка у вас на руке болтается?

– Я не дамочка, а капитан милиции, – отчеканила Паулина.

– Тихо, – шикнул на нее Захар и повернулся к Кирову. – Охранники утверждают, что она – наводчица бандитов. Говорят, что в зале ее видели во время налета. А она показывает документы, якобы она милиционер. По документам – капитан милиции из Кингисеппа.

Молодые милиционеры заулыбались. Помощник Кирова тоже было заулыбался, но мгновенно посерьезнел – хозяин с легкой улыбкой показал ему передать документы.

Паулина не могла больше молчать.

– Я – Паулина Онуфриева, капитан Кингисеппского отделения милиции. Прибыла сюда по вашему личному приглашению, товарищ Киров.

Паулине показалось, что в тот момент, когда она назвала свою фамилию, что-то изменилось. Лицо Кирова как будто заледенело. Ее книжечку он взял двумя пальцами, как будто что-то неприятное. Паулина видела, что он несколько раз перечитал ее фамилию

– Не перегибайте, – наконец сказал ей Киров. – Я вас лично не приглашал.

– Это было два года назад, когда вы нам путевки о назначении в Кремле вручали. Вы тогда велели каждому запомнить и выполнить ваш личный наказ – разобраться с бандитизмом на местах и о результатах доложить на съезде. Вот мы порядок навели и приехали докладывать.

Паулина прямо и смело смотрела в лицо Кирову. Он о чем-то мучительно размышлял, и вдруг сказал, как отрезал:

– Договорим у меня. Снимите наручники.

Увидев, что настроение Кирова изменилось, все перестали улыбаться и заторопились. Захар снял с Паулины наручники, больно дернув за руку, помощник Кирова перехватил ее, как будто боялся, что убежит, и повлек ко второй машине, в которой был лишь водитель.

– Сашка, с ней поедешь. И смотри в оба! – резко приказал Киров, подходя к своей машине. Помощник кивнул и еще сильнее сжал руку Паулины, заталкивая ее в кабриолет.

Перед тем, как залезть в свою машину, Киров на секунду остановился и поднял руку:

– Спасибо, товарищи! Война с отжившим элементом прошлого еще не закончена. К оружию, друзья!

Из окна черного кабриолета Паулина видела, как заулыбались молодые милиционеры, глядящие на Кирова с обожанием. Машина тронулась, мимо потекли дома.

Паулина сидела рядом с помощником Кирова и чувствовала, как сжимается от страха сердце. Почему ее потащили в Смольный? Доставка задержанного в эпицентр власти – это было очень, очень плохо. Паулина сжала зубы и пообещала себе бороться до последнего.

Глава 5

Перед самым Смольным машины разъехались. Кабриолет Кирова пошел вперед, а Паулину подвезли к черному ходу. Помощник Кирова молча открыл перед ней дверцу и помог выбраться из машины. Она чувствовала, что он готов броситься на нее при любом неверном движении, и злилась – на него, на Кирова, на себя.

Они прошли по пустым грязноватым коридорам, где, кроме охраны, не было никого. Паулину подвели к ничем не примечательной двери и велели ждать. Внутри был только стол с яркой лампой и несколько стульев. Типичная допросная, – в этом смысле, владения Кирова не сильно отличались от их Кингисеппского отделения.

Паулина готова была ждать несколько суток, но Киров пришел почти сразу. Он был один, и Паулина, вопреки здравому смыслу, немного приободрилась.

– Чем вы докажете, что вы действительно Паулина Ивановна Онуфриева, капитан Кингисеппского отделения милиции? – без обиняков спросил он, усаживаясь за стол напротив. Лампой в глаза светить не стал, на том спасибо.

– Документами, – буркнула Паулина. – А еще мой муж, которого вы знаете, мог бы подтвердить, что это действительно я. Если бы не пропал.

– Ваш муж? – равнодушно переспросил Киров, но под этим равнодушием что-то пряталось. Он явно побуждал ее говорить, проговориться, выдать себя.

– Мой муж, Дмитрий Владимирович Онуфриев. С которым вы, Сергей Миронович, работали в одной типографии еще в 1915 году.

– Каков он из себя? – продолжал расспрашивать Киров.

– Высокий, худощавый, уже седой, тогда был черный. Глаза карие, левый глаз чуть меньше правого. Картавит, но это почти незаметно. Шрам через правую щеку к уху. Но шрам вы, наверное, не видели. Дима его три года назад получил.

– Может, и не видел, – пробурчал Киров, думая о чем-то своем. С минуту он пристально смотрел на Паулину.

– В чем меня обвиняют, Сергей Миронович? – не выдержала Паулина. – Я уже объяснила, что оказалась на месте перестрелки случайно, и помогла в задержании бандитов! Я их одна положила! В чем, Боже мой, меня можно продолжать подозревать?!

– Ну, как в чем, – вдруг нехорошо улыбнулся Киров. – Если вы действительно милиционер, то должны сходу такие расклады понимать. Вы дождались, пока ваши сообщники донесут мешки с награбленным до подъезда, после чего перестреляли их, чтобы не делиться.

Он вытянул ноги и замолчал, выжидающе глядя на Паулину. Нужно было срочно найти какие-то убийственные аргументы своей правоты, защищаться, сражаться, что-то быстро придумать, но Паулина ничего этого не могла из-за подкатившей к горлу ярости. С ней иногда такое случалось. Сквозь броню холодности, которую она успешно носила на себе вот уже больше десяти лет, иногда прорывалась истинная ее натура, разрушая все на своем пути.

На глаза упала красная пелена, и Паулина одним гибким движением оказалась рядом с Кировым, резко вдернула его со стула и крутанула, до слез заломив его руку за спину. Пальцами другой руки она жестким захватом вцепилась ему в шею.

– Если бы я была бандиткой, я бы сейчас сломала вам шею, – прошипела она ему на ухо, и тут же отпустила.

Оказавшись на свободе, Киров раскашлялся и принялся тереть шею, которую она, видать, передала. Тут же дверь распахнулась, и в проеме появился некто в штатском, ничем не примечательный мужчина с темными глазами и худым лицом.

– Мироныч? – тревожно спросил он. Глаза его при этом смотрели на Паулину, которая продолжала стоять, насупившись и ожидая худшего.

Киров отмахнулся, и штатский тут же закрыл дверь.

«Ну, все, – обреченно подумала Паулина. – Допрыгалась». Она почувствовала, как заныл потревоженный бок, но почти не обратила внимания на боль.

А Киров все кашлял, но смотрел, как ни странно, совсем не зло.

– И откуда же вы, дамочка, такие приемы знаете? – спросил он, наконец.

– Если вы действительно Киров, то должны знать, что мы с Дмитрием в разведке три года служили, – дерзко ответила она. – И нас там ко всему готовили.

Киров расхохотался. Он смеялся сочно, радостно, с удовольствием, и, слыша этот смех, Паулина невольно приободрилась.

– Надо же! Ну и жёнка у Нуфского, – сказал он сквозь смех. – Да вы садитесь.

Паулина улыбнулась, вспомнив партийную кличку мужа, и села обратно.

– Так вы мне верите? – спросила она.

– Если не поверю, вы мне шею сломаете, – отшутился Киров, усаживаясь на место. – Не держите зла, Паулина Ивановна. У нас в Ленинграде много чего бывает. И милиционерами прикидываются, и сами милиционеры в сговор с бандитами вступают... Особенно на Лиговке бардака много, будь она неладна.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

– Так что случилось с товарищем Онуфриевым?

– Дмитрий вчера пропал во время съезда, прямо перед вручением награды, – отрапортовала она. – Его куда-то не посылали, я уточняла. Шинели его в гардеробе нет, поэтому можно предположить, что ушел сам. Но не факт.

– Понятно, – помрачнел Киров. – У вас есть версии?

– А вы ничего про это не знаете? – спросила Паулина. В ней до последнего жила надежда, что Дмитрий получил секретное задание отсюда, из Смольного.

Киров покачал головой.

– Я бы не стал вас так расспрашивать, если бы знал. Так у вас есть предположения?

– Первая – месть за его последнее дело. У нас бандиты грабили почтовые поезда. Часть шайки мы взяли, но несколько человек постоянно базируются в Ленинграде, и они еще не пойманы. Может, они.

– Так, кивнул Киров. – Всё?

Паулина заколебалась.

– Нет, – сказала она. – Я выяснила, что в последний год Дмитрий имел общие дела с какой-то проституткой с Лиговки. Их часто видели вместе. Мне он об этом ничего не говорил, поэтому я не знаю, боевая ли это задача, или... Или нет.

Она замолчала. Киров смотрел на нее пристально, как будто хотел прочитать ее сокровенные мысли.

– А Дмитрий все вам рассказывал?

Паулина задумалась.

– Не знаю, – наконец медленно сказала она. – У нас общие дела, общая работа. Мы много говорим о делах, которые вместе ведем. А вообще, в частной жизни... Он по натуре не очень разговорчивый человек, Сергей Миронович. Так что не думаю, что он рассказывал мне действительно все.

Секунду Киров буравил ее взглядом, будто проверяя, не врет ли она.

– Ладно. Так вы что, думаете, он ушел к проститутке? Прямо перед награждением?

Паулина пожала плечами.

– Я не думаю, что он ушел к ней, как к женщине. Ему что-то от нее надо. Может, она – агент... Понимаете, Сергей Миронович. Дмитрий вообще-то, не сильно обращал внимание на женщин.

Киров снисходительно усмехнулся.

– Это надежды жены. Тот факт, что человек оставляет важное дело и уходит к какой-то женщине, – если действительно так и было, – говорит о многом.

– О чем?! – вскинулась Паулина.

– О большой привязанности, – ответил Киров, вставая. – Подождите меня здесь.

Он вышел, а Паулина осталась сидеть в полном смятении. То, что озвучил сейчас Киров, было совершенно невозможно вообразить. Чтобы Дмитрий в кого-то влюбился?! Он был по уши погружен в свою работу, его даже на Паулину не хватало. Она могла еще предположить пару встреч, но душевную привязанность? «Нет, Дмитрий на это не способен, – повторяла она себе. – Тут должно быть что-то другое».

Минут через двадцать Киров вернулся с какими-то документами.

– Значит, так, Паулина Ивановна, – официально сказал он, усаживаясь за стол. – Это дело мы обязаны расследовать. Не иголка в стогу пропала – целый полковник. Мы по своим линиям будем проверять его заграничные связи, а вам задание – поймать эту самую проститутку. Возможно, она что-то знает.

Он посмотрел на нее, шевельнул бровями и подвинул документы.

– Для выполнения этой задачи вы назначаетесь оперативником в 11 отделение милиции Ленинграда. Будете помогать нашим сотрудникам на месте и попутно искать эту женщину.

Паулина, не сдержавшись, вылупилась на него.

– В смысле, назначаюсь в 11 отделение? – заикаясь, переспросила она. – Я же служу в Кингисепе. Я же не могу их бросить...

– Это ж не навсегда, – сказал Киров. – Будем считать, что это – временная командировка. Или вы мужа не хотите найти?

Паулина закрыла рот и протянула руку за документами.

Глава 6

Паулина шла по хмурым улицам, кутаясь в воротник шинели и натягивая на лоб фуражку. Шел дождь, заливая ее со всех сторон. Она сильно не выпалась – пришла к Аристарху поздним вечером, да еще два часа пытливым старик выспрашивал все подробности ее встречи с Кировым, поминутно хватаясь за сердце. Так что даже к лучшему, что жить ей придется в милицейском общежитии, – меньше переживать он за нее будет.

К 11 отделению она подошла, промокшая насквозь.

– Вы к кому, дамочка? – спросил веселый дежурный мокрую и злую Паулину.

Она молча шлепнула перед ним листок с назначением. Он прочитал и вылупился на нее в безмерном удивлении.

– Вам в отдел кадров на второй этаж, но они с десяти, – наконец сказал дежурный.

– А у вас что, в отделе кадров баре работают? – хмуро спросила Паулина.

Он заискивающе улыбнулся в ответ. Паулина вздохнула.

– Мне пока погулять?

– Гулять не положено. Рабочий день у нас с восьми.

– Так мне приступить к исполнению? – злась, спросила Паулина.

– Без визы отдела кадров вы не имеете права.

– Вы издеваетесь?! – вскипела Паулина, испытывая страстное желание надавать дежурному по гладким щекам.

Они даже пригнулись, прячась за своей стойкой.

– Правила такие, – сказал он, когда решился появиться снова.

– Кого я вижу! – вдруг раздался густой бас за ее спиной.

Она обернулась и увидела группку милиционеров, некоторые из которых ей были знакомы. Ну, точно. Высокий молодой парень вчера проверял ее документы, а усатый собирался ее обыскать. Сейчас с ними был еще пожилой усталый милиционер и еще один, с красивым лицом и нахальными глазками.

Усатый, который заметил ее первым, подходил с широкой улыбкой.

– Барышня, а как вы здесь оказались? – весело спросил он. – Вас вчера с такой помпой увезли на кабриолете. Что вы здесь опять-то делаете?

– Работать она здесь будет. С вами! – выпалил дежурный, которого распирала эта новость. – Она направление показала!

Несколько секунд будущие сотрудники Паулины переглядывались, а потом тот, с нахальными глазами, загоготал.

– Спасибо товарищу Кирову! Удружил, так удружил! – воскликнул он. – Нам тут без баб тоскливо. А ты нас повеселишь. Да, кукла? – нахально подмигнул он Паулине.

Паулина растерялась. Это был не бандит, а ее будущий товарищ. Она научилась отвечать на оскорбления от бандитов, но тут было совсем другое дело.

– Ты это, Антон, поосторожней, – серьезно сказал усатый. – Она вчера двоих бандитов уложила.

– Так и я с ней поваляться не прочь, – продолжал гнуть свое парень, и положил руку на бедро Паулины.

Это он сделал зря. Паулина мгновенно выхватила наган и прицельно влупила ему между ног тяжелой рукояткой, а потом еще и со всей силы впечатала каблук в ногу обидчику. Тот взвыл, хватаясь за пораженное место, и сгибаясь чуть не до земли.

– Отставить! – прогромыхало от входа. В дежурку вломился запыхавшийся Захар. – Отставить, я сказал! Что здесь происходит?!

Он окинул взглядом Паулину, растерянных милиционеров и продолжающего стонать Антона, и кисло сказал:

– А. Все ясно. Добрались уже?

В ответ на вопросительный взгляд Паулины, он пояснил:

– Звонили нам сейчас из центра по поводу вас. Ну, в общем, деваться все равно некуда,...

– он оглянулся на товарищей. – Позвольте вам представить... Этот, высоту с дом – Серега Крылов, Малой.

Стажер, из бывших фабричных – поняла Поля по его неформенному обмундированию, пиджачной двойке и галифе, заправленным в сапоги. Серега улыбнулся ей, сверкнув белыми зубами.

– Это – Сергей Петрович Бубликов, – представил Захар пожилого милиционера, явно из работяг.

– Или Серега Большой, – с едва заметной улыбкой пояснил тот.

Захар кивнул и продолжил:

– С усами – Иван Дмитриевич Ложкин.

Усатый Ложкин иронично поклонился Паулине.

– С Антоном Березухиным вы уже познакомились, – закончил Захар, указывая на улыбочивого, который только сейчас разогнулся. Тот хотел сказать в ответ что-то язвительное, но посмотрел в лицо Захара и промолчал.

– Меня вы, надеюсь, помните. Захар Степанович Бойков, заместитель начальника 11 отделения. А это, – обернулся он к милиционерам, указывая на Паулину, – Паулина Ивановна Онуфриева, капитан из Кингисеппского отделения милиции. Будет помогать нам работать. Без нее никак не справимся.

Паулина уже собиралась улыбнуться своим новым сотрудникам, но последняя реплика Захара отбила у нее всякую охоту.

– На летучку, товарищи! – зычно известил Захар. – Будем благодарности получать за вчерашние подвиги.

*

Кабинет полковника Крылова, начальника 11 отделения милиции, поразил Паулину своей мрачностью. Начальник был под стать кабинету. Зыркнув на новенькую из-под кустистых бровей, он коротко пожал ей руку, представился Иваном Михайловичем и указал на дальнейшее место за длинным столом. Рядом сидели незнакомые Паулине милиционеры, ни один из которых и не подумал назваться.

«Похоже, никто не одобряет моего появления здесь», – грустно подумала Паулина, садясь. Она поняла, что скучает по родному отделению. В Кингисеппе тоже было непросто, но там в отделении царил дух товарищества и взаимоподдержки. Там был Дмитрий, и все было ясно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.